

Вера
Мосова

ПУБЕРТАТ
ПРЫЦАВЫЙ

о подростках
и для подростков

Вера Мосова

**Пубертат прыщавый. О
подростках и для подростков**

«Издательские решения»

Мосова В.

Пубертат прыщавый. О подростках и для подростков /
В. Мосова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-516679-1

Почему мир вдруг становится иным, не таким светлым и понятным, как прежде? И родители уже не кажутся самыми лучшими. И настроение чаще мрачное. И порой хочется плакать. Просто так, ни с того ни с сего. И дерзить. И даже бунтовать. Всем назло. Это значит, что пришла нелегкая пора взросления. В муках, в борьбе со всем этим миром и с самим собой. Именно с этим и сталкиваются герои книги «Пубертат прыщавый». И как же здорово, если рядом есть друзья! Или девчонка, от которой невозможно отвести глаз.

ISBN 978-5-00-516679-1

© Мосова В.
© Издательские решения

Содержание

Истории о подростках и для подростков	6
Пубертат прыщавый	6
Тыкутка	10
Самый лучший День шнурка	14
Глава 1. Они еще пожалеют!	14
Глава 2. Ташка	17
Глава 3. На крыше	19
Глава 4. Петров	21
Глава 5. Еще один Петров	23
Глава 6. Серега	25
Глава 7. Опять Петров	27
Глава 8. Одноклассницы	29
Глава 9. Приключение	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Пубертат прыщавый О подростках и для подростков

Вера Мосова

© Вера Мосова, 2021

ISBN 978-5-0051-6679-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Истории о подростках и для подростков

Пубертат прыщавый

Рассказ

До чего же достала эта соседская собака! Тявкает и тявкает. Такой классный сон прервала, да еще на самом интересном месте. Рита бросила сердитый взгляд на зашторенное окно, сквозь которое пытался пробиться солнечный свет, зажмурила глаза и и натянула одеяло на голову. А вдруг продолжение сна увидит? Но продолжения не последовало, видимо, кинемеханику, притаившемуся по ту сторону яви, не удалось склеить разорванную пленку ее волшебного сновидения. Зато с первого этажа донесся звонкий голос мамы:

– Туся, вставай! Завтракать пора!

Ооооо! Только этого не хватало! Лето же, дача, каникулы, в конце концов! Имеет она право поспать вволю? Неужели и тут придется соблюдать никому не нужный режим?

– Туууу-ся! – снова крикнула мама.

Ну почему она не может оставить дочь в покое?!

– Маргарита! – раздался строгий голос отца. – Немедленно спускайся к завтраку!

Блиин! Вот прицепились! Придется встать, не отстанут ведь!

– Иду уже! – сонно проворчала Рита, неспешно потянулась и выползла из-под одеяла.

Идти в столовую совсем не хотелось. Вот бы вернуться в те давние времена, когда мама сама по утрам приносила ей в спальню поднос с завтраком. Конечно, такое случалось нечасто, но как это было здорово!

– Почему ты в пижаме? – строго спросила мама, когда Рита появилась на лестнице. – Неужели трудно переодеться?

– А какая разница, в чем я?

– Большая разница. Не зря ведь существует одежда для сна и одежда для прогулок. Существуют правила, в конце концов!

– Ты ещё скажи, что еда бывает мужская и женская! – сердито проворчала Рита, плюхаясь на стул. – А правила пусть исполняют те, кто их придумывает!

– А еда-то тут при чем? – вскипела мама. – Нелепость какая-то: мужская, женская.

Рита бросила на нее недобрый взгляд.

– А чего это мы такие дерзкие? – папа поднял глаза от своей тарелки и в упор посмотрел на дочь.

– Здравствуй, друг мой Пубертат! – многозначительно произнесла мама, разводя руки в стороны.

– Могу я хотя бы летом отоспаться? – огрызнулась Рита, раздраженно елозя ложкой по тарелке с овсяной кашей.

– Видишь ли, Туся, – как можно спокойнее произнесла мама, – режим – это...

– Не называй меня Тусей! – взорвалась вдруг дочь. – Я тебе не собачонка какая-то!

– Маргарита! – не выдержал отец и стукнул по столу кулаком. – Ты стала совершенно невыносима! Это переходит всякие границы!

Рита швырнула ложку, вскочила и бросилась к лестнице. Достали! Как же все они ее достали!

– Вернись сейчас же! – скомандовал отец, но она даже не обернулась.

– Оставь ее, – неромко проговорила мама. – Пусть перебесится. Это возрастное. Пройдет.

Конечно, сейчас она как будто защищает Риту, а вчера бабуле по телефону жаловалась, что дочь совсем от рук отбилась. А потом бабуля позвонила внучке и полчаса мозги промыла. Ритусечка, ты опять грубишь родителям! Надо быть добрее к близким! Не обижай маму, Тусечка, прошу тебя! Как же все они ее бесят! Задолбали!

Рита схватила телефон и снова забралась на кровать. Что за черт?! Посты отправляются с трудом, ролики зависают. Она нервно отшвырнула телефон в сторону. Интернет на даче всегда был нестабильный, но сегодня вообще невозможный какой-то! За окном заурчала машина, это папа поехал на работу. Рита прислушалась: вроде тихо. Осторожно ступая босыми ногами, она спустилась в пустую столовую, где на столе одиноко стояла тарелка с ее остывшей кашей. Прокралась на кухню, налила в любимую чашку кофе, сделала бутерброд с сыром, но улизнуть в свою комнату не успела, спалилась на лестнице. Как ни старалась она осторожничать, но одна ступенька все-таки предательски скрипнула под ногой, и тут же раздался мамин голос:

– Не смей еду в спальню носить! Для этого есть столовая!

Дочь чертыхнулась и понуро прошлепала вниз. Зацепив ногой стул, со скрежетом отодвинула его и демонстративно уселась, всем своим видом изображая примерную девочку. Вы этого хотите? Получите! Она повязала на шею льняную салфетку и, оттопырив мизинец, церемонно взялась за чашку с кофе. Мама молча пронесла мимо нее гордо вскинутую голову. Прямо королевщина! Спина прямая, напряженная. Сердится. И пусть! На кухне зажурчала вода. Посуду моет, сегодня даже не поручает это дочери. Ну и ладно.

После завтрака Рита натянула серые льняные шортики, любимую майку цвета хаки и проворно сбежала по лестнице.

– Я гулять! – крикнула на бегу и поспешила покинуть дом, пока мама не успела ответить запретом.

– Панаму надень! – донеслось ей вслед, но Рита сделала вид, что не услышала.

Конечно, она уже остыла, и ей сейчас даже немного стыдно за свою выходку. Но не просить же прощения! Мамуля тоже хороша, могла бы и не цепляться по пустякам. Подумаешь, в пижаме к завтраку явилась. Не голая же. Пусть она немного придет в себя, а Рита пока разведает, кто из дачных друзей уже прибыл на летний отдых.

Она вышла за калитку и огляделась, решая, в какую сторону направиться. Соседская собачонка лениво забрехала за высоким металлическим забором. Рита подошла к нему и со злорадным удовольствием стала хлопать в ладоши. Пси́на тут же залилась звонким тьяканьем. Вот так-то, побесись немного, шуба голосистая, тебе полезно! Хозяин из глубины двора сердито прикрикнул на собаку, и Рита бросилась бежать вдоль заборов, пока ее не разоблачили. Вскоре она остановилась, переводя дыхание и размышляя, кого из подруг навестить первой. Ленка вчера написала, что будет только через месяц, она уезжает на море. Маринку нынче предки грозилась отправить в деревню к бабушке, на перевоспитание. Додумались же! Надо не проговориться своим, чтобы не взялись перенимать безумный опыт Маринкиных родоков. Это они с радостью, лишь бы жизнь дочери подпортить. Может, хоть Сонька приехала? И Рита направилась к дому подруги.

На звонок вышел незнакомый длинный парень в короткой мятой майке и протертых до дыр джинсовых бриджах, которые едва держались на его бедрах. Ленивой походочкой он приблизился к калитке.

– А... Соня... приехала? Нет? – растерянно спросила Рита, парня она видела впервые.

– А тут нет никакой Сони, есть только Сеня, – усмехнулся пацан, отворяя калитку. – Это я!

На вид он был явно старше ее и даже, пожалуй, хорош собой, если бы не прыщи на лбу и щеках. Темные волнистые волосы, повязанные ярко-оранжевой банданой, опускались на плечи, а голубые глаза в обрамлении густых черных ресниц, которым позавидовала бы любая девчонка, смотрели с легкой усмешкой. На запястье красовалась небольшая татушка в виде

китайского иероглифа, похожего на широко шагающего человечка. Рита узнала этот символ, так обозначается слово «счастье». Она уже давно мечтает о чем-нибудь подобном и пересмотрела в интернете множество вариантов, но родители пока не разрешают ей. Не смей портить кожу! И она не смеет. Неужели ему разрешили? Или он никого и не спрашивал? Судя по наглomu выражению лица, этот типчик себе на уме.

– Ну что? – ехидно улыбаясь, спросил парень. – Сеня подойдет вместо Сони?

– А на фига мне Сеня? – дерзко ответила Рита и развернулась, чтобы уйти, но парень ловко ухватил ее за руку.

– Постой! Может, я все-таки сгожусь?

– Отвали! – рывкнула Рита, лихорадочно соображая, каким бы словечком припечатать парня, да желательнее пообиднее.

И слово нашлось. Самое что ни на есть обидное, все чаще в последнее время произносимое мамой.

– Пубертат! – выкрикнула злобно Рита.

– Ктоооо? – парень от неожиданности отпустил ее руку.

– Пубертат прыщавый! – рывкнула она и, гордо вскинув голову, зашагала прочь.

Незнакомец Сеня, разинув рот от изумления, глядел ей вслед. Но она не обернулась, хоть и очень хотелось. А вот! А нечего было за руки хватать!

Отворилась калитка соседней дачи, и появился Стасик, рыжее косматое недоразумение лет восьми. Он был гораздо младше Риты, а с малышкой она не водилась, поэтому прошла мимо, не обращая на него внимания.

– Че, Соньку ищешь? – спросил тот вдогонку.

Рита шагала, всем своим видом говоря, что его это не касается.

– Так не приедет она больше, – добродушно крикнул парень, – продали они свою дачу. Там теперь Сенька живет. Крутой пацан. В восьмой перешел.

Рита не удостоила Стасика ответом, невозмутимо продолжая свой путь. Но информация пришлась очень кстати. Теперь ей все понятно. Значит, этот Сеня – новый дачник, и он старше Риты на два года. Именно так она и предполагала.

Весь день прыщавый Сеня не выходил у нее из головы. Может, зря она с ним так? Может, не стоило обзывать? Как-то уж совсем по-детски получилось. Что он о ней подумал? Дерзкая соплюха? Рита подошла к зеркалу и внимательно всмотрелась в свое отражение. Лицо как лицо, ничего особенного. Даже ресницы короче, чем у этого парня. И волосы пожалуй, пореже будут, чем у него. Рита вспомнила густую шевелюру до плеч с повязанной на нее банданой. Да, надо признать, что парень и в самом деле крут. А она обычная. И глаза у нее не такие уж примечательные. И скулы широковаты, если честно. Хорошо, хоть прыщей нет. Она придвинула лицо к зеркалу и пристально всмотрелась. Провела ладонями по щекам. Это что за бугорок тут? Прыщ? Неужели? Она легонько надавила пальцем. Внутри, под кожей, отозвалось болью. Рита чертыхнулась. Только этого не хватало!

– Что-то ты присмирела, Маргарита, перестала свой гонор показывать, – сказал за ужином папа и улыбнулся. – Ой, не к добру это!

– Не буди лиха, пока оно тихо! – усмехнулась мама.

Но Рита лишь вяло улыбнулась в ответ на их шуточки. Родители удивленно преглянулись.

Утром она первым делом бросилась к зеркалу. Так и есть! Прыщик набух и порозовел. Это возмездие! Это кара за ее вчерашнюю выходку! Парень, конечно, сам напросился. Но неужели нельзя было обозвать этого Сеню как-нибудь иначе? Чучелом, например, или придуком. Так нет же! Ей захотелось чего-нибудь этакое! Да чтоб пообиднее!

– Не переживай! – успокаивала ее мама, разглядывая прыщик. – Это возрастное, со временем пройдет.

Ага, со временем! А каким долгим оно будет, это самое «со временем»? И как ей теперь жить? Как она на улицу выйдет с таким лицом?

– Я завтра поеду в город и куплю тебе специальный лосьон для подростковой кожи, – пообещала мама, – будешь лицо протирать. И не убивайся ты так! Беда ли? Всего-то один прыщик. У других все лицо бывает усыпано, и ничего, живут.

Рита обреченно кивнула. Живут. И некоторые даже довольны жизнью. И, похоже, ничуть не смущаются. Она вышла на балкон и устроилась с телефоном в плетеном кресле. Теперь она будет дышать свежим воздухом только тут. Такие у нее теперь прогулки будут, балконные. Пока прыщик не сойдет.

Рита лениво окинула взглядом окрестности. Невдалеке она увидела знакомую ярко-оранжевую бандану, а рядом – Стасика, который показывал рукой на ее дом. Понятно, заинтересовался, значит, Сеня. Похоже, даже разыскивает ее. А может, он просто отомстить хочет? Хи-хи! Побить, что ли? Так мог бы и вчера догнать, она не очень быстро уходила. Рита поднялась во весь рост, а парни, увидев ее, развернулись и пошли прочь. Один – тощий и длинный, другой – упитанный и приземистый. Она довольно улыбнулась, плюхаясь обратно в кресло, и принялась гонять по экрану разноцветные шарики. А все-таки интересно, что этот прыщавый задумал? Пусть задумывает что угодно, она все равно больше из дома ни ногой.

– Марго! – донеслось вскоре снизу.

Рита уже основательно погрузилась в игру и не сразу поняла, что зовут именно ее.

– Марго! – послышалось снова, но уже громче.

Сквозь балясины балкона мелькнуло что-то оранжевое, прямо там, за редким штакетником забора. Сердце екнуло. Рита выдохнула, поднялась с кресла и подошла к перилам. На дороге, оседлав велик, стоял Сеня.

– Может, покатаемся? – предложил он с улыбкой.

– Надо подумать! – кокетливо ответила упрямица.

– А чего думать-то? Выходи!

И правда, чего думать-то? Что ей мешает? Прыщик? Ерунда какая! Да и есть ли ему дело до чужих прыщиков? У него и своих хватает. А ее велосипед? Он же с прошлого лета в сарае стоит. Может, уже и колеса спустили? Так Сеня и накачает, если что. Эти мысли стремительно мелькали в голове Риты, пока она скакала вниз по лестнице.

– Мам, я на велике кататься! – крикнула на бегу. – Не теряй, если что!

– А как же твой пры..? – начала было мама, но тут же осеклась.

Тыкутка

Рассказ

Эта история началась хмурым январским утром. Серега, еще недавно выдернутый из сладкого сна звонким сигналом будильника, но окончательно так и не проснувшийся, хоть и пришлось пробежаться по морозцу, сидел среди таких же полусонных пятikleшек, когда дверь кабинета распахнулась и появилась Елена Васильевна.

– Знакомьтесь, – объявила она, пропуская вперед себя скромно потупившую глаза девочку, – это ваша новая одноклассница Маша Симонова.

Все уставились на новенькую. Серега слегка удивился ее совершенно круглому, словно циркулем прорисованному лицу, на котором двумя разбегающимися в обе стороны от носа запятыми были прорезаны узенькие глазки. Не глаза, а филигранно выпиленные щелочки над румяными с мороза щеками. Фигура девочки отличалась коренастостью и чем-то напоминала Соньку из параллельного класса, носившую прозвище Шкафонер. Новенькая с растерянностью и смущением смотрела на ребят. Вот тогда-то все и началось.

Нет, пожалуй, началось это гораздо раньше, солнечным осенним деньком, когда Серега с Дэном, своим лучшим другом и одноклассником, возвращались из школы. В одном из дворов они остановились возле яблони, сплошь унизанной небольшими прозрачными плодами.

– Серый, будешь тыблоки? – спросил тогда Дэн, ловко подпрыгнув и потянув вниз тяжелую ветку.

Сергей ухватился за ветку и рассмеялся, мгновенно вспомнив полузабытый детский рассказ о глупой девочке, которую обучали чтению. Она никак не могла осилить букву «я» и вместо нее читала «ты». Тыблоко. Да-да, именно оттуда это забавное словечко. А Дэн уже весело выкрикивал:

– Тыблоня вся в тыблоках!

Серега тут же включился в игру и весело добавил:

– А над тыблоней кружит тыстреб!

– Высматривает тыгоды! – с азартом продолжил Дэн.

– И падает в тыму! – подхватил Серега.

Парни шагали дальше и наперебой вытаскивали из памяти слова на букву «я», мгновенно превращая их в веселые абракадабры.

– Тыщик!

– Тысень!

– Тыкорь!

Но вскоре паузы между словами стали удлиняться. Оказалось, что слов, начинающихся на «я», не так уж и много. Только друзей это не сильно огорчало, они уже увлеклись новой игрой, и забавные словечки с той поры прочно поселились в их речи.

– Хочу на Тымайку, – говорил один, – там солнце тырче светит, даже в тынваре жара стоит.

– Тысен пень! – тут же подхватывал другой. – На тыхту бы сейчас, да бросить тыкорь прямо в океане!

Вскоре они заразили этой глупостью весь класс.

– Тывился не запылится! – дружно кричали одноклассники опоздавшим.

– Тывка обязательна! – командовал староста, объявляя об уборке пришкольной территории.

Эта незамысловатая забава, распространившаяся подобно сезонной эпидемии гриппа, побурлила, поклокотала и, перезаразив всех, незаметно сошла на нет, оставив лишь стойкий иммунитет. Приелась, стала неинтересной. Так что к зиме о ней уже и забыли.

А вскоре после новогодних каникул в классе появилась новенькая. Тогда-то и вылетело это слово, разорвав сонную утреннюю тишину. Оно легонько вспорхнуло с задних парт и зависло в воздухе:

– Тыкутка!

Конечно же, Маша в тот момент ничего не поняла, зато поняли и захихикали все остальные ребята, с любопытством смотревшие на нее. Девчонки – оценивающе прищуриив глаза, парни – слегка ухмыляясь.

– Маша приехала из Москвы, она будет учиться в нашем классе, – пояснила Елена Васильевна.

– Разве не из тундры? – уточнил кто-то громким шепотом, и по классу прокатился очередной смешок.

Учительница строго посмотрела на ребят, мгновенно притихших и надевших на лица маски невинности, и четко, с легким нажимом произнесла:

– Я очень надеюсь, что вы сумеете подружиться с Машей.

А потом показала, куда той сесть.

Так новенькая стала Тыкуткой.

Но подружиться с ней никто не спешил. Да и сама она почему-то не стремилась к этому, держалась особняком. Девчонки откровенно хихикали и перешептывались за ее спиной. Пацаны жестоко троллили, то и дело насмехаясь над ее внешностью. Но она не реагировала на них, словно жила не здесь и сейчас, а в каком-то другом мире. Словно тут присутствовала лишь ее оболочка, спокойная и равнодушная ко всему, а душа ее, способная радоваться и горевать, почему-то оставила девчонку навсегда, улетела далеко и безвозвратно. А может, Тыкутка уже настолько привыкла к издевкам со стороны сверстников, что устала на них реагировать? Наверняка ей с самого раннего детства доставалось. Казалось бы, ребята, не получавшие никакой, даже малейшей реакции на свои смелые выпады, должны были успокоиться и отстать от девчонки. Но не тут-то было! Некоторых ее немое равнодушие только сильнее раззадоривало. С каждым днем одноклассники становились все изобретательнее, от приколов и дерзких шуточек уже перешли к реальным боевым действиям. То в столовой незаметно опрокидывали солонку в ее тарелку, то прятали оставленный без присмотра Машин рюкзачок, то перевешивали в раздевалке ее куртку, а потом хитро посмеивались, со стороны наблюдая за бесконечными поисками. Если бы Тыкутка разозлилась на них, хоть раз огрызнулась, пожаловалась Елене Васильевне, расплакалась, наконец, они бы, может, и прекратили свои издевательства. Но девчонка лишь тихонько вздыхала и пожимала плечами, словно сокрушаясь, какие же все они глупые.

Сергея тоже принимал участие в этом всеобщем безумии, хоть и испытывал чувство неловкости. Нет, он не был зачинщиком, скорее, пассивным участником, идущим на поводу у толпы. Откровенно смеялся вместе со всеми, с интересом ждал Машин реакции на каждую выходку пацанов. И хотя в душе ему было искренне жаль Тыкутку, воспротивиться всеобщему порыву, встать на сторону беззащитной девочки у него не хватило бы духа. И это его донимало, Сергей злился на собственное слабование, пытался оправдать себя привычным «как все, так и я», и огорчался еще больше. Но однажды все изменилось.

Теплым мартовским деньком он вышел из школы и направился к кучке пацанов, привычно поджидающих Тыкутку, чтобы, как всегда, оскорбительно свистеть и улюлюкать ей вслед. Но неожиданно путь ему преградил Петька Гвоздь, долговязый восьмиклассник, гроза всей школы.

– Телефон давай! – сурово проговорил он. – Мне позвонить надо!

Сергея растерянно посмотрел на стоящих в сторонке друзей, словно ища у них поддержки. Те с интересом наблюдали, что будет дальше, но не двигались с места. На самом деле все прекрасно знали, что будет. Гвоздь обычно брал чужой телефон, с напускным интересом

изучал его и действовал в зависимости от настроения. Мог, например, сделать вид, что тот выскользнул у него из рук, а потом, подняв с земли, с наглым видом сокрушаться над разбитым экраном, якобы сожалея о случившемся. Не удержал, извини, пацан, с кем не бывает! А мог просто положить его себе в карман и заявить, что попользуется немного и вернет. Жаловаться на него боялись, но если такое все-таки случилось, Гвоздь все отрицал, утверждая, что жертва сама дала ему телефон, а он просто забыл его вернуть, позвонил и по привычке сунул в карман, а хозяин телефона почему-то не напомнил, убежал почему-то. Спешил, видимо, очень.

– Нет у меня телефона! – сердито отрезал Серега.

– А если я проверю? – грозно проговорил Гвоздь и стал похлопывать его по карманам, а когда тот попытался увернуться, цепко ухватил парня за плечо.

– Пацаны! – закричал было Серега, повернувшись к одноклассникам.

– Стоять! – громко рявкнул юный беспределщик, и жертва замерла от неожиданности.

– А это что у нас тут такое? – нараспев проговорил хулиган, нащупав телефон и пытаясь просунуть руку в карман чужой куртки.

Но вдруг ноги Гвоздя подогнулись, и он мгновенно плюхнулся на колени. Перепуганный Серега удивленно уставился на своего обидчика, за спиной которого с невозмутимым видом стояла Тыкутка.

– Тттты! Чукча узкоглазая! – обернувшись к ней, взревел Гвоздь, ловко вскочил и замахнулся.

Мгновенный захват, бросок, и обидчик уже лежит на спине, а Маша спокойно смотрит на него. Как она это сделала?

– Понял! Сдаюсь! – подняв вверх руки, проговорил поверженный враг, он хорошо знал, когда стоит отступить.

Серега оторопело уставился на свою спасительницу и не смог вымолвить ни слова. Притихшие одноклассники с удивлением наблюдали за нами.

– Пойдем! – спокойно сказала Маша, повернулась и зашагала прочь.

Серега послушно пошел за ней. И никто сегодня не улюлюкал вслед девчонке.

– Как это? – наконец спросил он. – Почему? Почему ты раньше не давала отпора?

– Раньше не было угрозы здоровью и жизни, – спокойно пояснила она.

– Ты спортсменка? Разряд есть? Какой борьбой ты занимаешься? – обрушил он на Машу целый поток вопросов.

– Нет, я не занимаюсь борьбой, просто меня папа научил некоторым приемам, чтобы могла постоять за себя при случае.

– Круто! – выдохнул парень. – А он у тебя кто? Спортсмен? Тренер?

– Нет, он спасатель, – ответила Маша и замолчала.

А потом негромко добавила:

– Был спасателем.

Они как раз вышли на бульвар, и Маша села на нагретую теплым мартовским солнцем скамейку. Сергей плюхнулся рядом. Тыкутка рассказала, что ее отец сильно пострадал при одной спасательной операции во время пожара. Перед самым новым годом. Теперь он инвалид. Долго лежал в госпитале, а сейчас проходит реабилитацию в подмосковном санатории. И мама все время с ним. Поэтому Машу и отправили сюда, к бабушке. Временно. Но когда закончится учебный год, она вернется домой.

Сереге вдруг стало стыдно. За себя, за пацанов, за весь свой класс. Раскаяние жгло изнутри и чего-то требовало от него, наверное, какого-нибудь доброго поступка. И какого же?

– Прости меня, – проговорил он, смущаясь, – я не знал. Спасибо тебе.

Девочка в ответ лишь пожала плечами и окинула парня внимательным взглядом. В этом взгляде не было ни обиды, ни негодования, ни победного ликования, которые непременно про-

читались бы в глазах любой из его одноклассниц, окажись та на месте Маши. Но Серега сумел различить в нем кое-что. И это было доверие.

Они молча поднялись со скамейки и пошли вдоль бульвара. Парню очень хотелось продолжить разговор. Он уже задавал новый вопрос, когда звонок телефона оборвал его на полуслове.

– Серый! Ты где? – прокричал в трубку Дэн. – Мы все в твоём дворе, тебя ждём!

Разговаривать с другом почему-то не хотелось, да и встречаться с пацанами тоже. Ничего не ответив, он отключил телефон и опустил его в карман.

– Можно мне проводить тебя до дома? – спросил Серега нерешительно и тут же смущённо замолчал, ведь сегодня именно она защищает и провожает его.

Маша в ответ согласно кивнула и широко улыбнулась, отчего её необычные глаза стали совсем узкими.

Самый лучший День шнурка

Повесть

Глава 1. Они еще пожалеют!

– Слушай, Лягушонок, ну чего ты? Не обижайся, а? Я и в самом деле не могу. Прости! – голос отца звучит глухо и виновато.

Я не знаю, что ему сказать, я вообще ничего не хочу говорить, просто отключаю телефон. Никому нет до меня дела. Ну и пусть! Ну и ладно! Они ещё пожалеют! Они все горько пожалеют!

Я сижу на своем излюбленном месте, прислонившись спиной к вентиляционному коробу. У старых домов, которые почему-то называют сталинскими, необычные крыши, тут легко можно найти укромный уголок. Обнаружив однажды, что дверь на чердак не заперта, я, конечно же, направилась туда и попала в смердящее птичьим пометом помещение. Убогое пристанище голубей. При моем появлении птицы встрепнулись, нервно заклекотали, прямо перед глазами замелькали крылья. Иногда они касались головы, и это были не очень приятные ощущения. Отмахиваясь руками, я стала пробираться к полукруглому чердачному оконцу с выбитой рамой, единственному источнику света в этом мрачном убежище. Нестерпимая вонь вызвала легкое омерзение и толкала меня дальше, на крышу. Пара ловких движений, и я уже по другую сторону небольшого окошка, ставшего с тех пор моим порталом в новый мир. Мир свободы и вольного ветра. Опасный и притягательный. Мой персональный мир. О нем я никому не рассказываю. Вернее, почти никому. Лишь один человек знает про это место, территорию моей личной свободы. Здесь мне никто не мешает. Можно сидеть и ни о чем не думать, просто глядеть вдаль. Но не сегодня. Этот день для меня особенный. А потому в голове пронесется куча самых разных мыслей, рожденных одним единственным фактом: это мой последний день. Я так решила.

Телефон вновь оживает. Ответить? Или не стоит? Ладно, послушаю, как папочка будет оправдываться. В конце концов, он имеет право на последнее слово.

– Лягушонок! Чего ты отключаешься? Ты хотя бы выслушай меня! Я, правда, не могу! – все так же виновато говорит отец. – У Вадика высокая температура, как я его оставлю? Сейчас врач придет. А у Инги сегодня очень важная встреча. Она поздно вернется. Мне никак не уйти из дома. Понимаешь? Никак!

Инга – это новая папина жена, а Вадик – их двухлетний сын.

– Ну что ты молчишь? – продолжает отец. – Ты можешь меня понять?

– А меня понять кто-нибудь пробовал? Моя жизнь хоть кого-то интересует? И не называй меня Лягушонком! Мне уже тринадцать!

Я со злостью бросаю телефон. Никому до меня нет дела! Даже в день рожденья. Нет, они обо мне, конечно, не забыли. Мама утром поздравила, вручила подарки и уехала со своим Валерием Сергеевичем на дачу к его боссу. Пикник там у них, видите ли. Неотложное воскресное мероприятие.

– Пойми, Ларисик, это очень важно для него! Важно для карьеры, для нашего достатка! – мама старалась говорить убедительно, но голос ее звучал так же виновато, как сейчас у отца. – Не сердись! Мы вечером вернемся и устроим праздничный ужин. Погуляй пока, встреться с отцом, созвонись с подругами.

Какие подруги? Она сама увезла меня от них за тридевять земель! И все из-за этого Валерия Сергеевича! Как же хорошо мы жили, пока мама с ним не познакомилась. Даже то, что отец ушел в другую семью, меня не сильно огорчало. Ведь мы регулярно виделись, ходили в кино,

в зоопарк, гуляли по городу. Он ушел, но все равно оставался со мной. Во всяком случае, пока не родился Вадик. А вот маму я потеряла, хоть и по-прежнему жила рядом с ней. Валерий Сергеевич отнял ее у меня. Раньше она была только моей, а теперь приходится делить ее с чужим дядькой. Нет, он ничего плохого мне не сделал. Может быть, он и в самом деле хороший, как утверждает мама, но я его все равно не люблю. Он не обижает меня, не придирается к мелочам, не ругает за плохие оценки. Он меня почти не замечает. Я просто бесплатное приложение к его жене, этакий своенравный бонус, с которым ему приходится мириться. Летом мы переехали в его большую квартиру в самом центре города, и у меня теперь есть отдельная комната. Казалось бы, надо радоваться, а мне горько. Меня, не спросив, переместили на второй план, задвинули в дальний угол. Раньше у нас с мамой была небольшая квартирка. Мы жили в одной комнате, спали на одном диване, делились друг с другом радостями и горестями. И я была счастлива. А на новом месте все по-другому. Все какое-то чужое. Да еще другая школа, новые учителя. И одноклассники, которые сразу невзлюбили меня, припечатав досадным прозвищем Крыска-Лариска. Что я им плохого сделала? Вот если бы я была красавицей, наверное, все было бы иначе. Но я уродина. Не зря же отец зовет меня Лягушонком. В детстве мне нравилось, когда он так меня называл, это звучало смешно и ласково одновременно. Но сейчас-то я понимаю, что на самом деле похожа на лягушонка: большой рот, круглые глаза, тонкие длинные конечности. Не руки и ноги, а именно конечности! Настоящие лягушачьи лапы. И как с этим жить? А еще я абсолютно лишена талантов, и потому меня не за что любить. Моя бывшая одноклассница Вика, например, хорошо поет, даже участвовала в телевизионном шоу, дочь маминой коллеги Настя занимается индийскими танцами, моя давняя подружка Ташка пишет стихи, которые иногда публикует в школьной газете. А я ничего не умею, я никакая, и потому никому не интересна. Когда я поделилась этими мыслями с мамой, она рассмеялась: – Глупый маленький мышонок! Ты лучшая девочка на свете!

Ну вот! Я и крыса, и мышонок! И зачем только она меня родила, такую уродину? Не мышонка, не лягушку, а неведому зверушку! Я даже маме теперь неинтересна, у нее на первом месте новый муж. Неужели нельзя было остаться сегодня дома? Если Валерию Сергеевичу эта поездка так важна, то и ехал бы один. А зачем маму с собой тащить? По какому-то там протоколу положено! А бросать ребенка в день его рождения тоже положено? Вот и пусть потом жалеют об этом! Они еще не знают, что сегодня утром видели меня в последний раз.

С недавних пор я частенько задумывалась, каким он будет, последний день моей жизни? Интересно получилось: первый снег в этом году выпал в мой последний день. Я смотрю на побелевшие крыши соседних домов и представляю, как мое тело распластается на присыпанной снегом земле. Руки раскинуты, одна нога согнута в колене, из головы сочится кровь. Я в кино видела такую картинку. Вокруг сразу соберется толпа. Приедет скорая помощь и полиция. Кто-то из соседей опознает меня, и полицейские тут же позвонят маме. Тогда Валерию Сергеевичу придется бросить своего босса и мчаться с мамой в город. Так ему и надо! Мама будет рыдать всю дорогу, до самого дома. А когда увидит на снегу мое тело, потеряет сознание. И до конца жизни будет винить себя. И папа тоже. Может быть, даже возненавидит свою Ингу и маленького сына, потому что из-за них он потеряет дочь. Одноклассники придут на похороны вместе с Галиной Ивановной. Будут испуганно переглядываться или прятать глаза. И, может быть, кто-то скажет, что я была неплохим человеком, и даже пожалеет, что не познакомился со мной поближе. А может, наоборот, все решат, что я полная дура, раз пошла на такое. И только один человек одобрит меня. Это Тод. Я не знаю его настоящего имени. Тод – его ник. В переводе с немецкого это слово означает – «смерть». А мой ник – Vita, то есть «жизнь» по-итальянски.

Однажды – это было примерно месяц назад – он зашел на мою страничку и написал: «Привет, мой антипод! Может, подружиться?» А почему бы и не подружиться? Виртуальные друзья порой лучше реальных. С тех пор мы ежедневно общаемся в чате. Болтаем о разном,

но чаще обсуждаем тему жизни и смерти, раз уж у нас такие ники. Тод убедил меня, что смерть – это вовсе не страшно, ее бояться не надо. Это просто переход из одного состояния в другое. Это шаг в неизведанное. Это вызов. И только поистине сильная личность способна на такой шаг. Я хочу быть сильной. Я шагну сегодня. Я так решила. И все наконец-то закончится. Не будет осточертевшего визгливого голоса Галины Ивановны. Не будет прыщавой рожи Федяева, который то и дело норовит в перемену притиснуть меня к стенке в укромном уголке, где никто не видит, и лапать, пока я, изловчившись, не вывернусь из его противных липких рук. Не будет ухмылочек и высокомерных взглядов Чижовой и Спицыной. И никто больше украдкой не прицепит к моей спине бумажку с дурацкой надписью: «Я чмо!»

Эти мысли меня немного утешают, и я уже вижу растерянные лица ненавистных одноклассников. Если бы Тод был рядом, если бы он учился в моей школе, может быть, мне было бы легче, он не дал бы меня в обиду. Он рыцарь, всегда готовый прийти на помощь. Так он иногда себя называет. Я даже не знаю, как он выглядит, сколько ему лет. Тод ловко уходит от моих вопросов. На его аватарке изображена полная луна на темном небе. Он говорит, что полнолуние – пора непредсказуемости, его любимое время.

Ну вот, стоило вспомнить Тода, как тут же пришло сообщение от него:

«Привет! С днем рождения!»

«Лучше с днем смерти!»

«Ты решила? Поздравляю! И когда это случится?»

«Прямо сейчас. Я уже на крыше...»

«Вау, ты молоток! Уважаю! Шагай вперед! К абсолютной свободе! Я жду тебя по ту сторону жизни!»

Ну что ж, пора! Ноги затекли, я уже давно сижу в одной позе. Встаю, слегка разминаю мышцы и неспешно двигаюсь к краю крыши. Надо только подняться на невысокий парапет, а потом решительно шагнуть. Просто шагнуть и все. Ненадолго задерживаю взгляд. Сверху все выглядит очень маленьким, словно игрушечным. Это всего лишь игра – убеждал меня когда-то Тод. Азартная и увлекательная. И я включилась в эту игру. Сегодня я сыграю со своей жизнью. И со смертью. Я легко ступаю на парапет. Одна нога уже решительно висит в воздухе, двор плывет перед глазами, и вдруг звучит знакомый рингтон. Ответить? Или не стоит? Дергаюсь назад. Отступаю. Ладно, пусть это будет мой последний разговор в мире живых, оставлю людям возможность обсудить его после моей смерти. Вынимаю телефон. Ташка! Моя закадычная подруга. С ней мы дружим с самого детского сада. Сейчас, конечно, давно не виделись, ведь она осталась в другой жизни, прошлом, где не было никакого Валерия Сергеевича, где мама любила только меня, и где я была счастлива.

– С днём рождения, Лиска! – радостно кричит она в трубку. – Я приехала к тебе! Уже стою во дворе. Какой у тебя подъезд?

Я осторожно выглядываю за парапет. Внизу виден маленький человечек с букетом цветов. Что же делать? Шагнуть прямо сейчас? Но Ташка-то чем же виновата? Почему она должна первой увидеть мой труп? Не успев ответить подруге, делаю еще шаг назад и слышу сигнал нового сообщения. Это Тод.

«Что же держит тебя в этом мире?»

Ежась от холода, оглядываюсь по сторонам. Откуда он знает, что я еще не шагнула?

– Лиска! Ты куда пропала? Ты дома сейчас? – голос Ташки возвращает меня в реальность.

На соседней крыше невесть откуда возникшая фигура спешно начинает сгребать лопатой снег. Странно. Только что никого не было. Да и снега не так уж много выпало, чтобы чистить крышу.

Снова выглядываю за парапет. Маленький человечек с букетом по-прежнему топчется у подъезда.

Спуститься к Ташке?

Или все-таки шагнуть?

Глава 2. Ташка

Быстро сбежав по лестнице, я распахиваю дверь подъезда и вижу сияющие глаза подруги.

– С днем рожденья! – бросается она ко мне, протягивает букет и крепко обнимает.

И вот я уже подхвачена вихрем Ташкиных эмоций, который срывает меня с места и несет в неведомые дали. Стремительно и бесповоротно. С моей подругой по-другому и не бывает. Все взахлеб, все через край. Как же мне ее не хватало! Шквал бесконечных вопросов и восклицаний обрушивается на меня.

Почему ты сама спустилась? У вас домофон сломался?

О! Классный прикид! Новая куртка?

И волосы у тебя отросли! Суперский хвост!

А что с лицом? Ты специально нацепила эту маску легкого разочарования?

Правильно! Загадочность тебе к лицу!

Налет таинственности всегда пробуждает интерес!

Сметенная этой лавиной, я не успеваю вставить ни слова.

– Лиска! Я так соскучилась! – снова обнимает меня Ташка, едва мы входим в квартиру. – С днем рожденья, моя самая лучшая подруга! Пусть с этого момента жизнь твоя станет в сто раз светлее и веселее!

Я готова разрыдаться от счастья. Появление Ташки – это самое лучшее, чего можно было желать. Никто на свете не умеет так радоваться каждому пустяку, как моя подруга Наташа Скворцова. Сколько я помню себя, столько и ее рядом. Прежде мы жили в одном дворе, ходили в один детский сад, а потом и учились в одном классе. Однажды ей пришла идея сократить наши имена.

– Лариска – это слишком длинно, – заявила она. – Я буду звать тебя Лиска!

– Тогда ты будешь Ташка! – выпалила я в ответ. – Наташка – тоже длинное имя.

– Урррра! – возликовала она. – Теперь мы обе укороченные!

С ней всегда так: она радуется каждому пустяку. Мама говорит, что это лучший дар небес – уметь принимать все в этой жизни с ощущением счастья и безграничной радости.

Мы проходим в гостиную, и подруга осматривается. Она впервые пришла сюда.

– А где твои гости? Где тетя Таня? Ты одна, что ли? – сыплет вопросами Ташка, следуя за мной.

Я в ответ лишь пожимаю плечами.

– Вау! Как у вас круто! Сколько места! А где твоя комната?

Я веду подругу к себе. Она окидывает взглядом мое жилище и с улыбкой восклицает:

– Эх, если бы у меня были такие хоромы! Надоело ютиться с Сережкой в одной каморке.

– Зато тебе не приходится скучать в одиночестве, – пытаюсь я переключиться на Ташкину волну и выдавить хоть что-то позитивное. – Особенно с твоим юморным братцем.

– Да уж, скучать не приходится! – тут же соглашается подруга. – Прикинь, вчера мы тайком от родителей ужастики на компе смотрели. Ночью! Когда все уже спали! А потом пугали друг друга. Было весело!

Ташкин брат Серега старше ее на три года. Он такой же заводной, как и сестра, с ним не бывает скучно. Когда мы были маленькими, он часто нас развлекал, устраивая смешные кукольные спектакли. Натягивал в дверном проеме плед, который служил ему ширмой, брал мягкие игрушки своей сестры, придумывал им всем веселые прозвища и разыгрывал перед нами забавные истории. Розовому зайцу, например, он дал имя Трусохвост, ежику – Иглоперец, а поросенку – Хрюкожир. Были еще два персонажа, подразумевавшие нас с Ташкой, и они носили наши имена. Рыжая пушистая лиса была названа Лиской-анархисткой, а старая,

местами потертая черепашка – Ташкой-замарашкой. Причем, имена эти точно отражали нашу сущность. Я и в самом деле всегда была натурой вольнолюбивой, не признавала никакого давления со стороны сверстников и взрослых. Настоящая анархистка. А Ташка вечно умудрялась чем-нибудь испачкаться, особенно во время еды. Ее футболки и платья постоянно были украшены разноцветными пятнами. Но это ее только забавляло, она не обижалась на брата за свое прозвище. Герои в Серегиных мини-спектаклях то ссорились, смешно обзывая друг друга, то мирились и клялись жить дружно. Или отправлялись в путешествия и встречались там с другими персонажами, или летели на Луну, где с ними происходили самые невероятные вещи: лисий хвост вдруг начинал жить своей отдельной жизнью и враждовать с хозяйкой, поросенок становился чемпионом мира по прыжкам в высоту, а черепашка – примой-балериной. Причем, все это Серега придумывал на ходу, иногда используя сюжеты известных сказок. Фантазии его были неиссякаемы, и мы смеялись до колик в животах, а когда спектакль заканчивался, умоляли продолжать. В общем, Ташке очень повезло с Сережкой. Если бы у меня был такой брат, разве полезла бы я сегодня на крышу?

– Как у тебя тут классно! – восхищается подруга. – Мне все нравится: и стены, и мебель, и этот коврик на полу.

Я осматриваю свою комнату вместе с ней и понимаю, что тут и в самом деле довольно уютно. В другой ситуации я, наверное, даже любила бы свой уголок. Но не сейчас. Ташка смотрит на мое помрачневшее лицо.

– Что за дела, Лиска? Почему ты вдруг стала такая хмурая? Я что-то не то сказала?

– Все нормально. Просто у меня дурное настроение.

– Как может быть дурное настроение в свой день рождения?! Это же праздник!

– А где ты видишь праздник? Где накрытый стол? Где веселые гости? Даже родителей нет! У папы сынок разболелся, а маму Валерий Сергеевич за город увез! – вываливаю я на нее свою беду. – Да и кому он нужен, этот праздник?! Сядут вечером за стол трое взрослых, выпьют за здоровье именинницы. Потом понавтыкают в торт тринадцать дурацких свечек – задувай, детка, сегодня твой день! Ах, какая ты уже взрослая стала! И когда только успела вырасти?! Да вот, выросла как-то, пока вы тут со своей личной жизнью разбирались.

Ташка, притихнув, смотрит на меня. Вот только сочувствия мне сейчас не хватало! Не люблю вызывать у людей жалость. Но это же Ташка. Ее реакция, как всегда, непредсказуема. Неожиданно расплывшись в широкой улыбке, подруга восклицает:

– Так это же круто! Тебе просто повезло! Можешь весь день заниматься, чем хочешь. Не надо сидеть за накрытым столом, натянув нелепый праздничный наряд, и выслушивать длинные речи, не надо благодарно кланяться гостям, изображая примерную девочку. Можно самой организовать праздник для себя! По своему сценарию! Хочешь, мы сейчас же отправимся куда-нибудь? Вот скажи, где твое самое любимое место? У тебя есть такое?

– Есть, но едва ли оно тебе понравится.

– Если нравится тебе, то понравится и мне! – с готовностью заявляет подруга. – Идем туда немедленно!

Отлично! Я покажу ей свое любимое место. Вот только цветы в вазу поставлю и вперед!

Выйдя из квартиры, мы направляемся вверх по лестнице, к чердаку. Ташка затаила дыхание в предвкушении невероятного приключения, но вопросов не задает. Глаза ее, как всегда, сияют. Подругу ничуть не пугают ни птичий базар на чердаке, ни зловоние, ни необходимость протискиваться в небольшое чердачное окошко. Наоборот, все это вызывает у нее полный восторг. Даже чуток порванная об торчащий в окне гвоздь куртка ее ничуть не огорчает. Ташка лишь машет рукой и стряхивает столетнюю пыль с рукава.

– Вау! Какая красота! Мы вознеслись над крышами! – ликует она, подойдя вслед за мной к ограждению и глядя вниз.

Она вдруг раскидывает руки и декламирует:

– Мы вознеслись под облака и машем миру свысока!

Ташка обожает рифмовать свои эмоции, и у нее даже получаются неплохие стишки, хоть порой и пафосные.

Я широко улыбаюсь. Как же мне ее недоставало!

– А представляешь, как было бы круто, если бы это был не старинный дом в три этажа, а, например, наша девятиэтажка! – мечтательно произносит Ташка.

Я пожимаю плечами. Не думаю, что плоская крыша высотки так же притягивала бы меня. Что интересного может быть там? А здесь целый мир, состоящий из скатов, откосов, полукруглых оконцев и широких труб с облупившейся штукатуркой.

– А как страшно было бы лететь отсюда на землю! – говорит вдруг Ташка, и я невольно вздрагиваю, а она продолжает:

– Помнишь Степку Петрова из нашего класса? Он в начале года не пришел в школу. Все потеряли парня. А оказалось, что его перевели на домашнее обучение. Прикинь, он в лагере сиганул с крыши двухэтажного корпуса. Говорят, несчастная любовь. Какая-то девчонка сначала замутила с ним, а потом на его друга переметнулась, вот он и спрыгнул, доказать ей что-то решил. А чего доказал-то? Несколько переломов, разрыв селезенки и сотрясение мозга.

– А девчонка? – у меня почему-то комок подступает к горлу.

– А что девчонка? Не знаю. Но это уже неважно. Тут важно другое: глупое решение, принятое сгоряча, полностью перечеркнуло всю его жизнь.

Я молча смотрю вниз, где сегодня должно было лежать мое бездыханное тело. Белый покров местами уже простеган нитями следов. Параллельные линии от автомобильных колес очертили двор по периметру. Несколько мальчишек на детской площадке с веселыми криками перебрасываются снежками. Еще совсем недавно я представляла себе совершенно другую картину на белом полотне октябрьского двора. И если бы не Ташка...

Глава 3. На крыше

Мы усаживаемся на мое любимое местечко и молча смотрим вдаль, поверх соседних домов. Куда ни глянь – повсюду крыши, устремленные в небо усиками антенн и блинами телевизионных тарелок. А над ними нависает серая осенняя муть. И лишь вдалеке, в районе новостроек, где небо сливается с вершинами домов, меж туч неожиданно появляется неширокая светлая полоска. Словно своевременное напоминание, что мир может быть не таким уж и мрачным.

Громко вскрикивает мой телефон. Опять Тод.

«Я по-прежнему жду тебя за чертой!»

Не буду отвечать. Не до него сейчас.

– Принимаешь поздравления? – улыбается Ташка, глаза ее все так же сияют.

– Если бы!

Рассказать ей? Или не стоит?

– У тебя появился парень? – не унимается подруга, глядя на меня с хитроватым прищуром.

– Не то чтобы парень... – мямлю я в ответ. – Нет, он, конечно, парень, но не в том смысле, что это мой парень. В смысле, не в том смысле, который ты подразумеваешь. Я просто имела в виду, что не девчонка. Парень, конечно... В смысле, мужского пола... Но не мой парень... И даже не друг... Просто приятель по переписке.

Выплюнув комок невнятных объяснений, я невольно улыбаюсь тому сумбуру, который у меня получился. Ташка мгновенно заливается веселым смехом. И я начинаю хохотать вместе с ней. На душе вдруг становится легко. Словно все мои обиды съехали по скату крыши огром-

ным пластом слежавшегося весеннего снега, перевалили за ограждение и тяжело плюхнулись на землю, рассыпавшись от удара на мелкие кусочки и снежную пыль.

– Виртуальный роман? – оживает Ташка.

– Какой роман!? Я же говорю, что не в том смысле. Просто иногда переписываемся.

– Общие интересы? Родство душ? Обсуждение любимых книг и фильмов? – скороговоркой сыплет дотошная подруга.

– Вопросы жизни и смерти! – уточняю я и сама удивляюсь той легкости, с которой произношу эти слова, так долго от всех оберегаемые.

– Серьезные вопросы! – Ташка продолжает привычно улыбаться.

И тут приходит новое сообщение:

«Я думал, ты крутая! Ошибся. Обычная трусливая девчонка!»

Это он сейчас пытается взять меня «на слабо»? Мне вдруг становится смешно. Не будь рядом Ташки, я, возможно, и попыталась бы в ту же минуту броситься к краю крыши и доказать, что я смелая и решительная. Но рядом с ней все иначе. Что-то внутри меня уже шелкнуло, переключилось, настроилось на другую волну. На волну Ташкиного позитива. Я молча открываю всю сегодняшнюю переписку с Тодом и протягиваю подруге телефон. Вскоре она поднимает на меня глаза, два черных пылающих уголька на побледневшем лице.

– Ты... хотела? ...Это? ...Сегодня?

Я молча киваю.

– Дурында! Какая же ты дурында!

Ташка, по-прежнему держа мой телефон, свободной рукой обнимает меня, я опускаю голову ей на плечо и тихо всхлипываю. Но тут же вскакиваю, распрямляю спину. Нет, я вовсе не рева какая-то! И жалеть меня не надо!

– Тебе настолько плохо? – тихим голосом говорит подруга, тоже поднимаясь на ноги. – Горько? Одиноко?

Я опять киваю.

– Но почему ты не позвонила мне? Почему не приехала? Нельзя ведь до такой степени поддаваться унынию и ничего не делать, чтобы спастись от него!

И тут меня прорвало! Все мои беды и обиды разом выплеснулись наружу. Как только Ташку не смыло с крыши этим клокочущим потоком моего горя? Я рассказывала о маме и отчине, о папе и его новой семье, о новых учителях и о своих мерзких одноклассниках, не прекращающих троллить меня. Все, что так долго не давало покоя, мешало жить, давило и угнетало, теперь, нервно пульсируя, стремительно выплескивалось наружу. А когда этот словесный поток иссяк, я без сил плюхнулась на прежнее место, привалившись спиной к шершавой стенке вентиляционного короба. Ташка села рядом. Она молчала. Пожалуй, я впервые видела подругу настолько растерянной и даже ошарашенной.

– Прости меня, – проговорила она тихо, вздохнула и продолжила виновато:

– Мне давно надо было выбраться к тебе. Когда ты уехала, у меня осталось что-то вроде обиды, как будто ты по доброй воле бросила меня и отправилась к новой счастливой жизни, да еще в самый центр города, в престижный район. К новым одноклассникам и друзьям. Ты почти перестала писать, ни о чем не рассказывала. Я была уверена, что у тебя все в шоколаде, просто не хочешь больше со мной общаться. Это, конечно, горько, но я сдерживалась, давила свою печаль. А сегодня решила и приехала сама. Типа, последняя попытка вернуть все на свои места. И повод как раз подходящий, все-таки день рождения.

Ничего себе! Я впервые слышу от Ташки подобные речи. Она тоже страдала? Ей не хватало меня? Об этом я даже не подумала. Ведь она осталась в том привычном мире, где нам было светло и радостно. И мне казалось, что у нее по-прежнему все именно так и есть. Я опять кладу голову ей на плечо и даже начинаю всхлипывать. Подруга обнимает меня и тоже подозрительно шмыгает носом.

– Твой Тод далеко не прав, – решительно говорит она, помолчав немного. – Поддаться унынию и убить себя – это и есть слабость. А сила человека именно в том, чтобы противостоять невзгодам. Не дать сломать себя. Сильный человек преодолевает любые трудности. Это же бесспорно. Я не понимаю, зачем твоему Тоду все это, но он умело подменяет понятия и ловко манипулирует тобой.

Ташка говорит размеренно и твердо, взвешивая каждое слово. Как будто это не моя ровесница, а какой-то взрослый и очень умный человек. Я поднимаю голову и с удивлением смотрю на нее. Что она сказала? Мной манипулируют? Разве?

– Пойдем! – вскакивает вдруг подруга и протягивает мне руку.

– Куда? – неуверенно поднимаюсь я.

– Скоро узнаешь! – загадочно улыбается, и вдруг весело добавляет:

– Предлагаю устроить День шнурка!

День шнурка когда-то придумал Серега. Заяц Трусохвост в одном из его спектаклей потерял шнурок от ботинка и в поисках этой крайне необходимой вещицы ходил по всем своим знакомым. И с ним случались разные невероятные истории. С тех пор и мы с Ташкой иногда устраивали себе День шнурка, тайком от родителей удирая со двора в поисках приключений. Правда, приключения не сыпались на нас в таком же изобилии, как на Трусохвоста, но впечатлений было хоть отбавляй.

Глава 4. Петров

Мы едем в троллейбусе и молча глядим в окно. Снег на тротуарах уже притоптан десятками ног.

– Смотри! – толкает меня в бок Ташка.

Две девчонки возле продуктового магазина мутуют какого-то пацана, пытаясь выхватить из его рук ярко-розовую шапку. Он то и дело подпрыгивает, держа руку с шапкой высоко над головой и стараясь увернуться от девчонок. А те скачут вокруг него в своем почти ритуальном танце. Изловчившись, парень вырывается и бросается прочь, девчонки бегут следом. Они несутся наравне с нашим троллейбусом, и я уже различаю их лица. Это Чижова и Спицына, мои ненавистные одноклассницы! Парень тоже кажется мне знакомым. Неужели Федяев? Точно! Он! Мой заклятый враг. Интересно, чем же все закончится? Чижова оказывается более проворной, догоняет Федяева и с силой толкает его. Тот падает и бросает ей в лицо шапку. Но разъяренные девчонки не останавливаются, начинают злобно колотить и даже пинать свою жертву.

– Гляди-ка, чего делается! – слышится за моей спиной пожилой женский голос. – Девки парня лупят! Отродясь такого не видела!

– И откуда в них столько злости? – отвечает какой-то мужчина. – Что за поколение растет?

– Так ему и надо, – довольно говорю я Ташке, когда вся эта компания остается позади. – Наверняка сам напросился.

– Ты его знаешь?

Приходится признаться, что это и есть мои заклятые враги, которые меня уже достали.

– А есть в твоём классе хоть кто-то, кому ты могла бы довериться? – спрашивает подруга.

Я пожимаю плечами и задумываюсь. Едва ли найдется хотя бы один такой человек. Они все для меня чужие. Ташка все понимает без лишних слов.

Вот уже и наша остановка. Я осматриваюсь. Вроде, ничего не поменялось, та же улица, те же серые панельные девятиэтажки, но все равно мой любимый район сегодня выглядит каким-то другим. Или просто уже забывается? Давненько я тут не была!

– Чего ты стоишь как вкопанная? Ностальгируешь, что ли? – подталкивает меня в спину Ташка, направляя в сторону супермаркета. – Сейчас кое-что купим и пойдём.

– А куда пойдём-то? К тебе?

– Увидишь! – загадочно отвечает она и берет пластиковую корзину для товара, в которую быстро загружает пакет яблочного сока, пару апельсинов и небольшую упаковку пирожных. И вот мы уже стоим в нашем дворе. Я бросаю взгляд на окна своей бывшей квартиры. Там сейчас другие жильцы. Невольно представилось, как по утрам они умываются в нашей ванной комнате, пьют кофе на моей любимой кухне, может быть, глядят при этом в окно, как когда-то делала я, а ночью спят на нашем с мамой диване, включив небольшой ночник в форме звездочки. При этих мыслях настроение мое окончательно портится, что-то неприятное и щемящее скребется внутри. Валерий Сергеевич настоял, чтобы мы ничего лишнего не забирали из старой квартиры, сдавали ее вместе с мебелью, и теперь совершенно чужие люди пользуются некоторыми нашими вещами. Почувствовав мое настроение, подруга берет меня под руку и увлекает в арку, которая ведет в соседний двор. Я больше не спрашиваю, куда мы идем, мне становится все равно. Ташка подводит меня к незнакомому подъезду, привычными движениями набирает код, и дверь призывным сигналом предлагает нам войти. Надрывно скрежещущий лифт доставляет нас на седьмой этаж, и подруга уверенно шагает к обитой серым дерматином двери. Сразу два глазка нацеливаются на нас, один расположен на уровне роста взрослого человека, а второй – немного пониже. Для ребенка, что ли? Не для собаки же! На Ташкин звонок не последовало никакой реакции, я вопросительно смотрю на подругу, но она жестом предлагает мне подождать. Наконец внутри квартиры слышатся приглушенные звуки, щелкает замок, и дверь открывается.

Перед нами в инвалидном кресле сидит мой бывший одноклассник Степан Петров, о котором недавно рассказывала Ташка, и я, не в силах скрыть своей реакции, ошарашенно смотрю на него. А он с удивлением уставился на нас. Точнее, на меня, ведь моя подруга, похоже, тут нередкий гость.

– Привет, Степка! – улыбаясь, говорит она и подталкивает меня в спину. – Смотри, кого я тебе привела.

Петров смущенно кивает и откатывается назад, впуская нас в квартиру. Ташка по-хозяйски стаскивает с меня куртку и легонько хлопает по плечу, приводя в чувство. Я понимаю, как нелепо выгляжу, но ничего не могу с собой поделать. Увидев Степку в инвалидной коляске и с загипсованной ногой, я не могу произнести ни слова. Спасая положение, подруга тут же начинает трещать без умолку, параллельно вынимая из пакета наши гостинцы. Она сыплет вопросами, на часть из которых сама же и отвечает. С неизменной улыбкой сообщает Степке о моем дне рождения и о том, как необычно мы его празднуем, то залезая на крышу, то навещая старых друзей. Петров поздравляет меня и тоже пытается поддержать разговор. Вскоре я уже знаю, что за время болезни он увлекся шахматами и чтением книг. За два месяца перенес несколько операций. Левая нога благополучно срослась, он даже иногда привстает на нее, но с большим трудом. А вот с правой что-то пошло не так, и ее оперировали повторно, поэтому он до сих пор в гипсе. С головой, слава богу, теперь все в порядке, а два сломанных пальца на левой руке Степка усиленно разрабатывает после гипса, выполняя специальную гимнастику. Повезло, что на правой все пальцы остались целы, и он может писать, даже рисует немного.

– Вот скажи нам честно, Степка, стоило оно того, чтобы сигать с крыши? – спрашивает в лоб Ташка, и я понимаю, что вопрос этот звучит исключительно ради меня.

– Нет, конечно, – усмехается мой бывший одноклассник, но тут же добавляет с серьезным видом:

– Хотя отлично помогает кое-что понять.

Подруга бросает на меня многозначительный взгляд, и я знаю, что она хочет этим сказать.

– Может, вы чаю желаете? – вдруг манерно предлагает Петров, видимо, вспомнив о правилах гостеприимства.

– Конечно, желаем! Зря, что ли мы пирожные принесли?! – вскакивает Ташка и бежит на кухню, бросая на ходу:

– Я все найду сама. Поболтайте пока!

Ага, поболтайте! Мы с Петровым оба смущенно молчим. Наконец он робко спрашивает, не хочу ли я посмотреть его рисунки. Что за вопрос?! Конечно, хочу! Надо же чем-то заполнить Ташкино отсутствие. И вот я уже перелистываю страницы альбома, с удивлением и даже восхищением разглядывая Степкины работы. В основном это черно-белые зарисовки, но какие необычные! Буквально в каждом штрихе пульсирует жизнь. Футболист в момент удара по мячу, танцующая под дождем девушка, пес, на лету хватающий палку, – все пронизано энергией движения. Движения, которого ему сейчас так не хватает. Мне искренне жаль парня, но я стараюсь не показывать этого. Разглядывая четко прорисованные детали, пытаюсь вспомнить, каким прежде знала Степку. В школе он был совершенно незаметный, никогда не обижал девочек, как это делали другие пацаны, не участвовал в драках, не дерзил учителям. Да и к учебе он, надо сказать, особого рвения не проявлял. Обычный среднестатистический школьник. А ведь я, оказывается, совсем его не знала.

Вошедшая с подносом Ташка прерывает мои размышления. Она ловко разливает по чашкам чай, без умолку болтая о его пользе и правильном заваривании. Плюхнувшись рядом со мной и взяв в руки чашку, тут же сообщает Петрову последние новости школьной жизни и передает приветы от одноклассников. Я пью горячий чай мелкими глоточками и просто физически ощущаю, как теплеет у меня на душе, словно вместе с этим чаем в меня вливается совершенно новое отношение к жизни. А точнее, возвращается старое, уже изрядно подзабытое.

Глава 5. Еще один Петров

Дверной звонок неожиданно взрывается резкими звуками.

– Это, наверное, Захар, мой двоюродный брат! – поясняет Степка, сдвигая с места свою коляску. – Он обещал сегодня зайти.

– Сиди, я открою! – тут же вскакивает неугомонная Ташка и бросается в прихожую.

Мы со Степкой снова неловко молчим в ожидании. И я не могу понять, откуда берется эта неловкость. Вроде, раньше такого не замечалось. Наконец в комнате появляется сияющая Ташка, а следом за ней входит... Петров. Парень из моего нового класса! Захар Петров.

– Лариса? – увидев меня, он удивленно вскидывает брови.

Я тоже таращусь на него, но при этом успеваю отметить, что Захар назвал меня не по фамилии, как это обычно бывает. Удивительно! Он знает мое имя! Я ведь для своих новых одноклассников безымянная особь женского рода. Просто Уварова. А для особо агрессивных – Крыска-Лариска.

Ташка и Степка явно ждут наших объяснений, но пауза слегка затягивается.

– Лариса – моя одноклассница, – наконец говорит Захар.

– Нет, она моя одноклассница, – пытается возразить ему Степка.

– Ой, Петров, ты же не знаешь! – вскрикивает Ташка. – Лиска летом переехала, она теперь в другой школе учится.

– Лиска? – удивляется Захар. – Как необычно звучит! Лиска!

– А это мы еще в детстве свои имена укоротили: я Ташка, а она Лиска, – спешит пояснить подруга.

– А мне нравится! Можно, я тоже буду тебя так называть? – обращается Захар ко мне.

– Нельзя! – привычно огрызаюсь я, но тут же спохватываюсь, ведь это звучит довольно грубо, и, кивая на Ташку, поясняю вполне миролюбиво:

– Так меня только лучшая подруга может звать.

– Тогда назначь меня своим лучшим другом!

От его дерзкого предложения я замолкаю, не зная, что сказать. На самом деле Захар вовсе не такой уж плохой парень. Я успела заметить, что в классе он держится особняком, ни в какие

терки не вступает. Да и сами эти терки при его появлении мигом прекращаются. Все знают, что он давно и серьезно занимается каратэ. И хотя он ни разу никого из одноклассников не побил, его понимают с одного лишь взгляда. В особо критических ситуациях ему стоит лишь занести над драчуном кулак, и этого бывает достаточно. Однажды Захар увидел, как Чицова посадила мне на затылок огромного паука. Он молча подошел, снял его и опустил на голову обидчицы. Та завизжала и бросилась жаловаться Галине Ивановне. Но в итоге ей же и досталось. Правда, с тех пор Чицова еще сильнее обозлилась на меня и всякий раз норовит чем-нибудь досадить.

Пауза явно затягивается, и тут меня спасает Ташка.

– А меня можно! – кокетливо говорит она. – Я великодушно разрешаю называть меня укороченным именем. Только тогда я и тебя укорочу! Захар – Хар. Нет! Отстой! Захарка – Харка. Еще хуже! Неблагозвучно получается. Ты – неукорачивающийся! – припечатывает она. – Оставься Захаром. Давай, я лучше тебе чаю налью!

И она бросается на кухню за чистой чашкой.

Чаепитие продолжается. Мы молча жуем пирожные, лишь изредка переглядываясь друг с другом. Даже Ташка неожиданно притихла. Я осторожно разглядываю братьев. Они совсем не похожи, разве что глаза одинаковые: серые, обрамленные густыми черными ресницами. Степан более худощав, и лицо у него слегка заостренное к подбородку, а Захар достаточно крепок и круглолиц, да и ростом немного выше брата. Хотя, как я могу это определить? Степка ведь не встает. Может, и он подрос за лето.

Поблагодарив Ташку за чай и пирожные, братья начинают обсуждать какой-то новый комплекс упражнений для разработки кистей рук, а мы с подружкой несем на кухню посуду и старательно ее перемываем. Типа, мы такие хорошие хозяйки.

– Нам пора! – громко объявляет Ташка, закончив работу. – У нас есть еще одно очень важное дело.

Захар смотрит на меня как будто с сожалением. На меня? С сожалением? Не может быть! Он вскакивает, вызываясь проводить нас до двери. Степка катится за ним. В прихожей Захар галантно подает Ташке куртку, чем окончательно сражает мою подружку, которая тут же закатывает глаза – знак высшего изумления. С видом истинной леди она ловко просовывает руки и благодарно кивает Захару. А я смущаюсь, путаясь в рукавах, и всякий раз попадаю мимо них. От этого начинаю нервничать и снова промахиваюсь. Захар терпеливо ждет.

– Какой классный чувак! – говорит Ташка, выходя из подъезда. – В нашем классе таких галантных парней нет. Он и в школе такой же?

– Не знаю. Куртки в раздевалке он нам не подает, – смеюсь я.

– А, может, ты просто предвзято относишься к своим одноклассникам? По твоим словам, все они какие-то уроды.

– Может, и не все. Но ты же видела сегодня, как они дрались.

– Видела, – вздыхает Ташка. – Но Захар ведь не такой?

– Не такой! – соглашаюсь я.

– Я готова хоть сейчас перевестись в твою школу! – заявляет она весело. – И тебя защитить смогу, и к Захару поближе!

– Втюрилась, что ли? – смеюсь я, но подружка лишь загадочно улыбается и молчит.

На Ташку это совсем не похоже.

Неожиданно она останавливается, поворачивается ко мне и, разведя руки, начинает декламировать:

– О рыцаре мечтала я в тиши, услышь, Захарка, крик моей души!

Я уже отвыкла от этих Ташкиных поэтических всплесков, и сегодня они застают меня врасплох. Но я смеюсь и аплодирую ей, как прежде. Подруга смешно раскланивается и шагает дальше.

– А куда мы сейчас? – интересуюсь я, приближаясь к арке, которая ведет из Степкиного двора в наш.

– Ко мне, конечно! Теперь нам надо разобраться с твоим уродом Тодом! Ой, какая классная рифма получилась: Тод – урод! Сейчас позвоню Сереге, – вынимая мобильник, продолжает подруга, – попрошу нам помочь. Только бы он дома был.

Моя рука тоже невольно тянется в карман за телефоном, который почему-то давно молчит. Странно, что Тод мне больше не пишет. Оказывается, ничего странного, просто у меня разрядилась батарея. Ну и ладно! Я кладу мобильник обратно в карман и облегченно вздыхаю, впервые довольная мертвой чернотой экрана.

Ташка уже разговаривает с братом, а я опять отыскиваю взглядом свои бывшие окна.

– Серега сказал, что очень занят и просил пока не мешать, он освободится через полчаса, не раньше, – сообщает она вскоре.

– И чем мы займемся в эти полчаса?

– Пойдём куда-нибудь, – Ташка берет меня за руку и, улыбаясь, тащит за собой.

– И куда же?

– Куда-куда! На Кудыкину гору! Раскудахталась! Куда глаза глядят, туда и направимся! – ворчит она с улыбкой.

– И куда они у тебя глядят? Мои, например, упираются в вывеску «Парикмахерская», – не без иронии замечаю я.

– Йес! – Ташка резко останавливается и загадочно смотрит на меня.

В глазах ее тут же появляется хорошо знакомый мне озорной блеск.

– А давай сделаем одинаковые стрижки! – предлагает она. – Отметим твою днюху новыми прическами!

Идея неожиданная, но классная же! И я решительно взлетаю на невысокое крыльцо парикмахерской.

Глава 6. Серега

В пустом зале две пампушки-парикмахерши в одинаковой униформе баловали себя чаем, сидя в креслах для клиентов. При нашем появлении, они одновременно повернули к нам недовольные лица, отставляя в сторону чашки. Ага, похоже, мы им помешали. Во всяком случае, это явно читалось в их взглядах.

– А родители разрешили? – строго спросила одна из теток, когда Ташка озвучила наше желание.

– Конечно! – тут же за нас обеих ответила подруга. – Или вам нужно письменное согласие?

Парикмахерши рассмеялись. И вскоре мы уже сидели в креслах, переглядываясь в огромном зеркале, которое занимало почти всю стену. Мастера по облагораживанию человеческих голов единодушно решили, что нам обеим пойдет каре, показали фото в журнале и, получив наше одобрение, принялись за работу. Когда мне отрезали первую прядь, я слегка напряглась. Честно говоря, стало тревожно: а не пожалею ли потом? Но я тут же решила, что жалеть мне не о чем, в моей ситуации хуже быть уже не может. А если что, испорченная прическа станет замечательным дополнением к моей перечеркнутой жизни.

– Если не понравится, остригусь наголо! – шепнула я Ташке. – Вот мамочка порадует, когда вернется домой и увидит вместо дочки лысого мальчика.

В ответ подруга лишь округлила глаза, похоже, она тоже немного нервничала, расставаясь со своими косичками. Может, зря мы это затеяли? Но о чем сейчас рассуждать, когда ножницы в руках теток уже весело позвякивают, и пряди наших волос скользят с плеч на пол по черным шелковистым пеньюарам.

Удивительно, но я все-таки осталась довольна результатами нашего эксперимента, из зеркала на нас смотрели две совершенно незнакомые девчонки. Даже вполне симпатичные, как мне показалось. Подруга весело подмигнула моему отражению, похоже, ей тоже понравилось. До чего же приятно видеть себя другой! И не такой уж я, оказывается, лягушонок, как считала прежде. Мы с Ташкой медленно натягиваем куртки, разглядывая друг друга. Прятать под шапками неожиданную красоту вовсе не хочется, поэтому на улицу выходим с непокрытыми головами.

Ташкин брат Серега просто дар речи потерял, едва мы появились на пороге квартиры.

– Вау! – воскликнул он наконец, всплеснул руками и попятился, уставившись на нас, как на привидения. – Откуда взялись такие очаровашки? Не иначе, заезжие звезды! Неужели в нашем городе проходит конкурс красоты, а я о нем ничего не знаю?!

– Да ну тебя! – беззлобно огрызнулась Ташка. – Но можешь считать, что комплимент удался!

Серега тут же добавил, что мы стали очень похожи меж собой. То же самое мы услышали и от парикмахерш, когда поднялись с кресел и встали рядом. Серега еще пытался хохмить по поводу наших причесок, но сестра резко прервала поток его шуточек и сказала, что нам надо вычислить одного человека, а потому необходимо срочно найти его айпи-адрес.

– Ну, уж нет! Искать ваших воздыхателей я не собираюсь, у меня нет времени на глупости.

Ташка посмотрела на меня, словно спрашивая разрешения, и я кивнула. Тогда она в общих чертах передала брату ситуацию с Тодом. Серега ошарашенно смотрел то на сестру, то на меня.

– Ты понимаешь, что она сегодня чуть с крыши не шагнула из-за этого уroda? – продолжила наступление Ташка. – А ведь она не одна такая! Наверняка он еще кого-то спровоцировал на суицид. Может, прямо сейчас затуманивает мозги такой же дурочке.

Про дурочку прозвучало слегка обидно, но я проглотила. Чего уж теперь?

– Ну и делааа! – протянул Серега задумчиво. – Ладно! Уговорили!

Потом посмотрел на меня с прищуром, совсем как Ташка, и глубокомысленно произнес:

– А ты, оказывается, не только анархистка, но и партизанка. И я могу поспорить, что твои родоки ничего об этом не знают.

– Конечно, не знают! – вместо меня ответила Ташка. – Ты сам-то стал бы о таком рассказывать?

– Рассказывать не стал бы, это точно. Но и на крышу бы не полез.

Тааак. Началось! Я заранее была уверена, что Серега, узнав обо всем, непременно начнет прикалываться надо мной, и приготовилась к самому изощренному варианту стеба, но лицо его вдруг стало серьезным. Даже чересчур серьезным. А Ташка затараторила, наступая на брата:

– Какая теперь разница, анархистка или партизанка?! Найди нам этого уroda! Пожалуйста!

– И что вы станете с ним делать? – спросил он, усаживаясь за комп. – Расстреляете? Сбросите с крыши? Сдадите в полицию?

И правда, что? Я вдруг и в самом деле почувствовала себя полной дурой. Безумный шаг, на который я решилась сегодня в порыве отчаяния, из величайшего события превращался в банальнейшую глупость.

– Подстрекательство к самоубийству – это статья! – изрек Серега многозначительно. – И человек, который занимается подобными вещами, или больной на всю голову, или полный отморозок. И я бы не советовал вам с ним связываться. Это ж надо было так вляпаться! Мозги-то у тебя есть? – повернулся он ко мне.

– Если бы были, не вляпалась бы! – огрызнулась я.

– Вот теперь я узнаю нашу Лиску-анархистку! – рассмеялся Серега. – А то вошла такая фифа с модной стрижкой и глазами, полными печали, да еще и глубокомысленно молчит!

Мне захотелось тут же поколотить его. Но за меня это сделала подруга. Она шутливо замахнулась на брата и прошлась кулачками по его спине.

– Сдаюсь-сдаюсь! Пощадите! – поднял он вверх руки, изображая ужас на лице, но тут же посерьезнел и строго добавил:

– Не мешайте мне пока, идите лучше на кухню. Еда на плите, предки ушли в кино.

Мы послушно вышли из комнаты и вскоре с удовольствием уплетали наваристый борщ. А потом котлетки с макаронами, а потом компот. Полное меню, как в детском саду.

А когда мы уже едва дышали от обжорства, готовые встать из-за стола, в дверном проеме возник Серега. В одной руке он держал игрушечного зайца, а в другой – ежа.

– Полный облом! – начал он печально, приподняв вверх зайца и слегка шепелявя. – Ты слышишь, Иглоперец? Полный облом! Нет нигде проклятого Тода! Это катастрофа! Катастрофа!

– Как же так, Трусохвост? Почему нет? Он сбежал от возмездия? – теперь Серега активно шевелил рукой с ежом. – Надо его срочно догнать и обезвредить!

– Харэ прикалываться! – возмутилась Ташка. – Давай серьезно! Нам совсем не до шуток.

– А если серьезно, – опустив руки, поговорил Серега, – не нашел я ничего. Все аккаунты вашего злодея удалены. Я даже попросил знакомого аййтишника помочь, результат тот же.

– Что это может значить? – спросила с тревогой Ташка.

– Только то, что он замечает следы. Возможно, его уже вычислили и накрыли. Кто-то раньше нас начал на него охоту, – бросая игрушки на стул, пояснил Серега.

– Так это же здорово! – обрадовалась Ташка и повернулась ко мне:

– Этот урод больше не будет тебя доставать!

Я почувствовала облегчение, а вместе с тем и неловкость. Угораздило же меня вляпаться в такую дурацкую историю! Да еще и подругу посвятить в это. И ее брата. Я стала спешно собираться домой, стыдясь смотреть Ташке в глаза. А тем более, Сереге. Подруге не хотелось меня отпускать, но я не поддавалась на уговоры. Домой-домой-домой! И как можно скорее! Пока не вернулись мама с Валерием Сергеевичем. Закрыться в своей берлоге, забиться в угол и осмыслить все хорошенько. А может, и поплакать в тишине, где меня могут услышать лишь старые-престарые стены, привыкшие за долгие годы к чужим печалям и горестям, да потрепанный меховой медвежонок, мой верный дружок, когда-то давно подаренный папой.

Ташка вызвалась проводить меня до троллейбусной остановки, а Серега весело крикнул нам вслед:

– Будьте осторожнее, красотки! Не вляпайтесь еще куда-нибудь!

Глава 7. Опять Петров

– Спасибо тебе, Ташка, за сегодняшний день! – говорю я подруге на прощанье, готовая шагнуть в приближающийся троллейбус. – Ты устроила мне настоящий праздник. Просто суперский День шнурка получился!

– Да ладно уже! – смущается Ташка. – Я давно должна была приехать к тебе или хотя бы позвонить. А я, дурная, ждала, что ты первая это сделаешь. Но в дружбе нельзя считаться на первый-второй, надо быть...

Последнее слово я уже не разобрала, потому что запрыгнула на подножку. Помахала Ташке рукой и уселась на свободное сиденье. Троллейбус тронулся, и тут же рядом со мной кто-то плюхнулся, тяжело дыша.

– Уф! Едва успел! – услышала я знакомый голос и повернулась к соседу.

Это Захар Петров?! Ничего себе! Смотрит на меня и широко улыбается. Похоже, он засиделся у брата и только что возвращается домой.

– Блииин! Это что за прическа? – на его лице удивление. – Когда успела подстричься? Еще недавно у тебя был хвост на затылке.

Я смущенно улыбаюсь и слегка пожимаю плечами. Мне немного неуютно под его пристальным взглядом.

– А классно получилось! Тебе идет! – продолжает он с улыбкой. – Завтра все наши девочки позеленеют от зависти.

Я сразу представляю лица своих одноклассниц и их язвительные высказывания.

– Ага, – отвечаю насмешливо, – особенно Чижова и Спицына.

– Достали они тебя? – посерьезнел вмиг Захар. – Я заметил, что они к тебе не ровно дышат. Но ты молодец, отлично держишься. Не психуешь, не цапаешься с ними, отвечаешь спокойно и уверенно, в общем, ловко уходишь от конфликтов. Я просто удивляюсь, как у тебя это получается. Правда, они потом еще сильнее злятся, их же бесит, что никак не могут вывести тебя из равновесия.

Я удивленно смотрю на Захара. Он действительно так считает? Я отлично держусь? Знал бы он, чего мне это стоит! Неужели внешне все именно так и выглядит? А разве ему трудно было хоть раз сказать мне об этом? Наверное, тогда я легче переносила бы все терки с новыми одноклассниками. Ну отчего же мы такие? Наговорить гадостей – это завсегда пожалуйста! А поддержать человека добрым словом не решаемся. Вот и Ташка тоже. Ждала от меня первого шага. А чего было ждать-то? Хотя я тоже хороша, отгородилась от всего мира за своими обидами. А могла бы и написать подруге. Или позвонить.

– Эй! Ларис! – тормошит меня Захар. – Ты сейчас где?

Я невольно улыбаюсь:

– Просто задумалась, извини.

– Ты напоминаешь мне маленького симпатичного жучка, который закрывается от мира своими твердыми крылышками.

– Жука? Какого еще жука? – я даже обижена немного, не лучшее сравнение, честно говоря.

– Обычного. Из отряда жесткокрылых. Ну, например, божью коровку. А что? Очень симпатичное насекомое!

– А зачем сравнивать меня с насекомым? Ничего поприличнее не нашлось?

– Не обижайся, Ларис. Просто я обожаю насекомых. Энтомология – мое хобби. Очень интересная наука. И в ней существует множество направлений. Например, лепидоптерология или колеоптерология, или...

– Лепидо... что? – слегка офигеваю я от услышанного.

– Лепидоптерология! Это наука, изучающая бабочек. А колеоптерология – жуков.

– И тебе... все вот это... интересно? Жучки и бабочки? – я никак не могу поставить рядом два его таких разных увлечения: каратэ и насекомых.

– Еще как! Когда я был маленьким, то на даче постоянно собирал всяких мушек, жучков, бабочек. Порой доводил маму до истерик. Представляешь, берет она мою одежду, чтобы постирать, сует руку в карман, а там шевелится какой-нибудь жучок, или гусеница затаилась.

– Бррр! Я бы сразу заорала. Не понимаю, как можно увлекаться этой мерзостью?!

– Это вовсе не мерзость! Наоборот, целый мир, существующий рядом с нами. Причем, очень интересный и многообразный!

– Да мне от одного только вида пауков плохо становится!

– А паук, кстати, вовсе и не насекомое! Он как раз угроза для насекомых, он ими питается. А относится к членистоногим.

– Ой, нет! Мне все равно, что жуки, что пауки. Может, это и в самом деле целый мир, но я предпочитаю жить в своем мире, человечьем.

– А ты посмотри в окно. Вон идет встречный троллейбус. Он не напоминает тебе таракана с задранными усиками? А вон, видишь, маленькая машинка слева – настоящий яркий жучок. Или вон тот мотоциклист. Его шлем похож на голову муравья, а прижатое к мотоциклу тело довершает весь образ. Если посмотреть сверху – настоящий муравей.

– Ага! Вертолет – стрекоза, самолет – муха, – подхватываю я, явно намекая, что все это глупости.

Захар смеется.

– Зря ты иронизируешь! Про Чарльза Дарвина слышала? Нам на уроках биологии про него много говорили. Так вот, именно Дарвин всерьез занимался колеоптерологией, жуков изучал. Я читал некоторые его работы на эту тему.

Надо же! Я и подумать не могла, что Захар увлечен насекомыми. А я-то почему такая неправильная получилась? Нет у меня никаких серьезных увлечений.

– Тебе не кажется, что мы слишком долго стоим в пробке? – выглядывает в окно Захар.

И правда, мы давно торчим на одном месте. Неужели так увлеклись разговором, что ничего вокруг не замечаем? И людей в салоне уже нет, только мы остались. Водитель выходит из своей кабинки и говорит, обращаясь к нам, что на линии авария, провода обесточены, и троллейбус дальше не пойдёт. На ступенях Захар подает мне руку, помогая сойти, и я опять смущаюсь.

– Мы могли бы пройти пешком, тут уже недалеко, – предлагает мой галантный спутник. – Тебе до какой остановки надо?

– До Комсомольской.

– И мне тоже.

Ежу понятно! Если мы учимся в одной школе, значит, и живем где-то рядом.

– Если хочешь, можем пересесть на автобус, – Захар вопросительно смотрит на меня.

– Лучше прогуляемся. У меня сегодня такой необычный день.

– И у меня!

– А что у тебя необычного? – спрашиваем мы друг друга одновременно и тут же заливаемся смехом.

– Я первый спросил!

– Нет, я первая!

– А я все равно первее! – совсем по-детсадовски спорит Захар, забавляясь ситуацией. – Но так и быть, уступлю тебе. Отвечу первым. Хорошим девочкам надо уступать!

Он задумывается на минуту, вбирает ртом воздух и вдруг выдает:

– Я давно хотел познакомиться с тобой поближе и сегодня мне это удалось! Вот, – выдыхает он.

Он не шутит? Я не верю своим ушам! Но взгляд Захара очень серьезен, на лице едва заметное смущение.

– А я... а у меня... – я теряюсь, подбирая слова. Господи, как же много всего сегодня произошло! Но ведь обо всем не скажешь. – У меня сегодня день рождения!

– Правда?!

Я киваю.

– Стой здесь! Я сейчас! – и он бросается к цветочному павильону.

Глава 8. Одноклассницы

Я стою на тротуаре и разглядываю Захара через стекло. На улице уже смеркается, и освещенный яркими лампами павильон отлично просматривается. Цветочница что-то гово-

рит, активно жестикулируя, мой новый друг согласно кивает. О! Я уже называю его другом? А почему бы и нет? Он же сам только что сказал, что хотел бы со мной подружиться. Нет, не так, он сказал, что хотел познакомиться поближе. Но разве это не одно и то же?

– Смотри-ка, Спица! Наша Крыска собственной персоной! – раздается у меня за спиной ненавистный голос Чижовой.

Откуда они тут взялись? И совсем не вовремя.

– Наша Крыска? – нарочито громко отвечает ей Спицына. – Да ладно! Это не она! У этой прича шикарная, а у нашей – стремный мышинный хвостик.

– Крысинный! – поправляет ее Чижова.

– Точно! Крысинный! Гхэ-гхэ-гхэ...

– Эй, Крыска! Говори, куда хвост девала!?

Спокойно! – говорю я себе, сжимая в карманах кулаки. – Не дергайся! Не оборачивайся, пусть стебаются, раз уж им так хочется. Но тут обе одноклассницы обходят меня, одна – слева, другая – справа, и встают, вперившись в мое лицо недобрыми насмешливыми взглядами, словно изучают. Ага, нашли себе жертву для заклятия! Чижова сплетает руки на груди и оценивающе смотрит, слегка наклонив голову и прищурился глаза. Спицына, подражая подруге, делает то же самое. Челюсти ее медленно двигаются, перекачивая во рту жвачку. Вот она, не отводя от меня глаз, надувает ее розовым пузырем, хлопает, втягивает обратно в рот и продолжает жевать. Все это делается с демонстративной ленцой.

– А прикольно получилось! – комментирует увиденное Чижова. – Эта чмошка, прям, на француженку стала похожа.

– Какая француженка! Бомжиха подзаборная! – скалит зубы ее подруга. – Сейчас вываляем эту лохудру в грязи, и будет самое то!

Она сплевывает жвачку и носком ботинка отшвыривает ее в грязную жижу, не сводя с меня пристального взгляда, словно давая понять, что со мной сейчас будет то же самое. Я продолжаю молчать. Надо попытаться с достоинством выйти из нелепой ситуации. Захар же сказал, что у меня это хорошо получается.

– Слушай, а чего она молчит? Неужели наша отважная Крыска боится нас? – плещет ядом Спицына. – Или вместе с волосами и язык свой укоротила?

– Сейчас проверим! – зло смеется Чижова. – А ну-ка, Уварова, открывай пошире рот!

И тут за их спинами появляется Захар, в руке он держит пакет из крафтовой бумаги. Я резко выбрасываю вперед руки, сдвигаю в стороны надоедливых одноклассниц и делаю шаг к нему. Девчонки бросаются за мной, хватают за руки и вмиг застывают, увидев Петрова.

– Привет! – кивает он одноклассницам и протягивает мне пакет:

– С днем рождения, Лариса!

Мои заклятые врагини отцепляются от меня и удивленно глядят на Захара. Я беру пакет за обе ручки, заглядываю внутрь и вижу небольшой горшочек с цветущей хризантемой. Несколько маленьких желтых солнышек, растопырив лепестки, радостно смотрят на меня.

– Спасибо, Захар! – благодарно киваю я ему.

– Я решил, что в горшке надежнее. Не придется выбрасывать увядшие цветы, – улыбается мой новый друг.

– У тебя че, днюха, что ли? – приходит в себя Чижова. – Реально? Тогда поздравляшки!

– Дык, это... с тебя причитается, Уварова! – добавляет Спицына. – Неси завтра гостинцы всему классу и все такое!

– А мы в большую перемену про каравай тебе споем, типа, поздравим, – то ли язвит, то ли просто шутит Чижова. – Мы народ добрый, душевный и всегда готовый разделить чужую радость.

Я молча перехватываю пакет в одну руку и поворачиваюсь, чтобы продолжить путь.

– Пока, девчонки! – бросает Захар и направляется вместе со мной.

А я прям чувствую спиной прожигающие взгляды своих добрых одноклассниц.

– Опять цеплялись? – сочувственно спрашивает мой новый друг.

– А ты как думаешь?

– Думаю, цеплялись. Они без этого не могут.

– Да мне не привыкать, – как можно равнодушнее отвечаю я, еще не хватало, чтобы он сейчас жалеть меня начал. Захар помолчал немного и вдруг стал рассказывать:

– Светка еще год назад была нормальной девчонкой, а потом просто с катушек съехала. У нее мать умерла, а отец вскоре женился. Тогда она сбежала из дома и неделю где-то скиталась. Потом ее полицейские нашли и вернули домой. Но она заявила, что все равно там не останется и поселилась у бабушки.

– А Светка – это Чижова или Спицина? – уточняю я, потому что многих одноклассников пока не знаю по именам. Да и по фамилиям-то не всех.

– Чижова. Ее бабушка живет в нашем подъезде, только этажом ниже. При встречах всегда спрашивает меня, как ее внучка ведет себя в школе.

– И ты рассказываешь?

– Приходится.

– Получается, что стучишь?

– Не могу же я молчать в ответ. И врать тоже не могу. Она хорошая женщина, мне жаль ее. Стараюсь как-то помягче говорить о Светкиных подвигах.

– А Чижова знает?

– Конечно. И знает, как нелегко мне это дается. Для нее даже лучше, если бабуля будет получать информацию от меня, а не от учителей. Она так и сказала мне однажды, типа, стучи, Петров, только помягче, пусть бабуля папочке жалуется. Но на самом деле Светка не такая уж плохая. Она добрая. Только почему-то скрывает это. Прошлой зимой, например, подобрала во дворе приبلудного котенка и притащила домой. Выходила его, вырастила. А когда того машина зацепила, очень переживала, даже плакала. Я впервые видел ее такой. Она прибежала к нам и умоляла отца помочь. Он у меня ветеринар.

– И что? Помог?

– Конечно. Она с той поры иногда заходит к нам, с папой советуется или у меня чего-нибудь по домашке спрашивает. Но о себе говорить не любит, я эту историю с побегом от ее бабушки знаю.

Похоже, у каждого из нас свои заморочки. Такие огромные черные дыры в галактиках сознания. Тревожат, не дают покоя, грозят поглотить. А мы тщательно скрываем их от окружающих за нелепыми выходками, новыми прическами или странными нарядами.

– А Спицина? – спрашиваю я.

– Что Спицина?

– Она почему себя так ведет? У нее тоже какие-то проблемы?

– Про нее я мало что знаю. Маринка появилась в нашем классе не так давно, наверное, меньше года назад. Они с семьей откуда-то приехали.

Понятно. Значит, Спицину зовут Маринка, и она, как и я, в этом классе недавно. Только странно, что меня класс сразу не принял, а она здесь чувствует себя своей.

– Поначалу они соперничали со Светкой, – словно прочитав мои мысли, продолжает Захар, – даже до драк доходило, но ни одна другой спуску не давала. А потом что-то такое произошло, и они подружились.

– Слушай, Захар, мне это кажется, или наши милые подружки в самом деле шагают за нами?

Он оборачивается и с улыбкой говорит:

– Не кажется! Похоже, они решили пошпионить!

Так я и знала! Это ж какое событие! Самый завидный парень из класса проявил ко мне интерес. Ко мне, какой-то там безликой Крыске!

– Может, немного поиграем? Попробуем обмануть их? – предлагает вдруг Захар, весело глядя на меня. – Сейчас резко повернем вон в тот двор и посмотрим, что дальше будет.

– Давай! – соглашаюсь я.

А почему бы и не повеселиться?!

Глава 9. Приключение

Мы спокойно доходим до угла дома и резко ныряем в пустынный двор. Спешно оглядываемся по сторонам, выбирая, где бы нам затаиться. В это время молодая женщина входит в крайний подъезд, буквально волоча за собой вопящего ребенка. Воспользовавшись случаем, успеваем проскочить в дверь, пока она не захлопнулась, и, помахав капризуле, закатившему мамаше истерику возле лифта, быстро ныряем на лестницу. В подъезде вкусно пахнет запекающимся мясом.

– Мммм! – Захар зажмуривается и втягивает носом воздух. – Кто-то готовит отменный ужин.

Согласно киваю, запах и в самом деле волшебный. Но чужой подъезд, даже с такими соблазнительными и невероятно уютными запахами, все равно чужой. И я ощущаю себя преступницей, проникшей на запретную территорию. Того и гляди, выглянет из какой-нибудь двери строгая бабулька и погонит нас прочь. Ходите тут, гадите, и все такое. Поэтому мы стараемся не топтать и разговариваем шепотом. Поднимаемся на один пролет и, обосновавшись у окна между первым и вторым этажами, осторожно выглядываем во двор. Бинго! Мои закадычные врагини и в самом деле пожаловали сюда. Стоят, озираясь по сторонам, разводят руками и переговариваются меж собой. Потеряли! Вот так-то! Сыщицы! Злорадная улыбка поселяется на моем лице.

Но тут к девчонкам приближаются два подозрительных типа. И откуда они взялись? Только что никого во дворе не было. Похоже, парни довольно взрослые, к тому же не совсем твердо стоят на ногах. Они что-то говорят подругам, Спицына резко отвечает. Скорее всего, посылает их подальше. Это вполне в ее стиле. Один из парней хватается Маринку за руку. Тогда Чицова замахивается на него, но ее руку успевает перехватить второй задира. Завязывается драчка, девчонки машут свободными руками, но парни крепко держат их, перевес сил явно не в пользу подруг.

– Черт! Стой здесь и никуда не уходи! – приказывает мне Захар и бежит вниз, перепрыгивая через ступеньку.

Еще чего не хватало! Раскомандовался! И я, недолго думая, бегу следом.

– Стоять! – кричит он парням, выскакивая из подъезда и устремляясь к дерущейся компании.

Все одновременно оборачиваются на окрик. Парни от неожиданности отпускают девчонку и, развернувшись, грозно смотрят на непредвиденную помеху.

– Убегайте! – кричит Петров одноклассникам и наносит резкий удар одному из парней.

– Ты че?! – с изумлением произносит тот и мешком плюхается на землю.

Спицына уже мчится прочь со двора, но второй парень успевает схватить Чицову. Захар поворачивается к нему, готовясь нанести удар, но тот ловким движением вынимает из кармана нож и направляет его в сторону Светки.

– Я ее порежу! – грозно шипит он. – Отойди, сопляк, или хуже будет!

– Все! Все! – Петров в примиряющем жесте поднимает вверх руки, показывает противнику открытые ладони, усыпляя его бдительность, и тут же резко выбрасывает ногу. Хоба! И нож, блеснув лезвием, отлетает в сторону. Еще один удар, и парень падает, увлекая за собой

Светку. Захар подает ей руку, чтобы помочь подняться. Я, естественно, бегу к ним и вдруг вижу, что первый задира, очухавшись, встает на четвереньки и тянется к ножу.

– Захар! Осторожно! – спешу я предупредить друга, но очнувшийся парень вдруг ловко вскакивает и бросается ко мне. Черт! Я и глазом моргнуть не успеваю, как он одной рукой обхватывает меня за шею и больно сдавливает горло. Вторая его рука упирается в мой бок. Неужели там нож? Липкий страх разливается по всему телу, парализует волю. В голове в один миг проносится множество мыслей. Меня сейчас убьют? В самом деле? Это все? Мой финал? Но я же не готова сейчас умирать! Я не хочу! Парень пятится к выходу из двора и тянет меня за собой. Мне становится трудно дышать. Чтобы злодей совсем не передавил мое горло, приходится мелко переставлять ноги, пятась вместе с ним. Одной рукой я цепляюсь за его руку, пытаюсь ослабить хватку, в другой держу пакет с хризантемой. Нелепейшая картинка. Как-то бы изловчиться да ударить сейчас цветочным горшком прямо по его голове – мелькает у меня дерзкая мысль. Но я тут же понимаю, что не получится, не с руки мне. Блиин! Что-то ведь надо делать! Как-то надо спастись! Как же? Как? Спокойно! Без паники! Петров мне поможет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.